

КАСКАДЕР

Я не помню, что я видел во сне, но проснулся я оттого, что кто-то дотронулся до моего плеча. Я поднял голову, приподнялся на кровати и увидел наклонившееся надо мной воющее лицо Антона Ивановича и потрескавшийся козырек его морской фуражки. Антон Иванович был одет в черный с прохвелью костюм, и воротничок его стирной рубашки был стянут черным жеваным галстуком.

- Вы что, спите? - полушепотом спросил он, и на-за его плеча выглянуло худое озабоченное лицо Ивана Ивановича. Чуть подалее стояла Клавдия Михайловна и уже совсем в дверях - Александра Константиновна в платье с бледненькими цветочками. За дверью теснились какие-то люди в рабо-

чей одежде. Все были как-будто чем-то встревожены.

Я с испугом посмотрел на них.

- Который час?- спросил я, чувствуя сильное сердцебиение.

- Двенадцать часов, ноль восемь минут,- ответил Антон Иванович /он всегда очень точен/.- Сигареточкой не угостите?

Я вытер рукой пот с лица:

- Вот, на стуле, Антон Иванович.

- Мы, собственно, зашли вас предупредить,- сказал Антон Иванович, вправляя сильными желтыми пальцами в мундштук сигарету,- мы- предупредить, что у нас начинают косметический.

Он помолчал.

- Я имею в виду ремонт,- объяснил Антон Иванович.

Он снова замолчал.

- Так что вокруг нашего дома поставлены леса.

Только теперь я заметил, что в комнате не очень светло, от окна упала большая и резкая тень.

- Вот как, значит, леса...- сказал я и закурил.- А больше ничего, Антон Иванович?

- Больше ничего,- сказал Антон Иванович и жадно затянулся.

Я почувствовал себя неловко.

- Клавдия Михайловна, вы меня извините, пожалуйста,- сказал я, обращаясь на самом деле не только к Клавдии Михайловне, но и к Александре Константиновне.- Мне не совсем удобно... То есть, я хотел сказать, что мне нужно одеться... Во всяком случае, я очень благодарен вам за соизволение, Антон Иванович, но, может быть, еще что-нибудь?

- Нет, больше ничего,- значительно ответил Антон Иванович, только предупредить. Впрочем, если разрешите, еще сигареточку.

- Да, пожалуйста, возьмите всю пачку, у меня еще есть,- сказал я ему, хотя у меня больше не было сигарет. Но я немного грустил и потому врал.

- Нет, всю не надо, а одну возьму,- с достоинством

ответил Антон Иванович и, взяв сигарету добавил. — Мы предупредили, так сказать, а теперь мы пойдем — не будем вам мешать.

Мягко закрылась дверь, и я услышал, как тихо они все удалились: как будто они ушли на цыпочках.

Я встал, оделся и подошел к окну. Прямо под моим окном я увидел сирые неструганные доски лесов — Антон Иванович говорил правду. Накрывал мелкий дождик, но чувствовалось, что он скоро пройдет. После посещения в комнате было неуютно и зябко. Я вышел на кухню: и за кухонным окном тоже были леса, на кухне же, как ни странно, никого не было. Обычно в это время здесь кто-нибудь присутствует — сегодня же никого. Вообще, пока я умывался и готовил себе чай, никто не появился. Хоть бы кот мне встретился — нет, и кота не было. Все как будто попрятались по своим комнатам, но я, по совести говоря, был этому только рад.

Я не стал задерживаться дома. Наскоро выпив два стакана чаю, я поспешил уйти куда-нибудь. Не знал даже почему, мне не хотелось оставаться здесь: то ли внезапное пробуждение так повлияло на меня, то ли от лесов было сумрачно, то ли просто от погоды в комнате мне казалось тоскливо, а может быть, мне хотелось постороннего общества, — и от этого всего, взятого вместе, я пошел бродить по улицам, чтобы не быть одному. Кроме того, я, уже, правда, выйдя на улицу, подумал, что, может быть, мне стоит пойти в кино посмотреть приключенческий фильм — я, вообще-то, люблю детективы, особенно, если какая-нибудь тайна или загадка. Люблю также и военные картины, и хоть сам я по роду своих занятий человек штатский, все-таки не вижу в их своей привязанности ничего удивительного: в конце концов, и для штатского человека в военном фильме может оказаться немало захватывающего. Например, что важнее: любовь или долг? Что касается любви, то мне вдруг пришло в голову, что в такую погоду я бы с большим удовольствием посмотрел соответствующий лирический фильм: ну, скажем, про любовь. При этом не обязательно военный, а можно было бы и психологический, и хорошо бы цветной. Увы, сегодня

нигде ничего такого не демонстрировалось, и хотя в витрине кинотеатра, в фойе которого я зашел, чтобы посмотреть репертуар, на афише была изображена симпатичная женщина в белой блузке, сам этот фильм назывался "Старый педагог", — при чем же здесь любовь? Испытывая разочарование, не слишком сильное, потому что мне и в кино не очень-то хотелось, я отошел от витрины и отправился прогуливаться по городу, куда глядели мои глаза. Время от времени я приостанавливался у того или иного памятника или достопримечательности, свидетельствующей о героическом и культурном прошлом нашей страны, иногда для того, чтобы прочесть надпись на мемориальной доске — не жил ли здесь какой-нибудь человек, — а на самом деле, просто для того, чтобы закурить и чем-нибудь занять свои глаза и мысли, так как я, несмотря на прогулку, все еще чувствовал какую-то неудовлетворенность и пустоту. Так я бродил по улицам, пока не вышел к какому-то старинному трехэтажному и не очень большому дому, окруженному, как и наш с соседями дом, лесами. Правда, в отличие от нашего с соседями дома, этот дом уже был наполовину выкрашен свеженькой лазурной краской. Он был выкрашен наполовину от крыши, включительно, до второго этажа, и краска была не лазурной, как мне хотелось определить ее по моему первому впечатлению, а скорее, темно-голубой с оттенком зеленого или даже изумрудного цвета, она была краской цвета морской волны, — вот как я хотел бы ее назвать.

Я стоял и любовался этим еще не вполне выкрашенным домом, и постепенно мне стала приходить на ум одна чрезвычайно приятная мысль — я подумал, что было бы очень неплохо, если бы наш дом тоже выкрасили цветом морской волны.

"Да что там, неплохо — это было бы превосходно! — воскликнул я. — Прямо-таки великолепно! Это бы удивительно пошло к нашему дому, тем более, что он очень похож на этот, который передо мной: такой же трехэтажный, если не считать четвертого этажа. А ведь, что ни говори, далеко не безразлично, в каком доме ты живешь, и с другой стороны, почему бы не покрасить мой дом именно этой краской, раз уж все равно вокруг него поставили леса?"

Ну хотя бы с фасада, — подумал я, — с улицы... не обязательно со двора, потому что, может быть, эту краску нужно экономить: может быть, ее мало или, во всяком случае, недостаточно. Тогда, конечно, можно со двора выкрасить другой краской, хоть желтой, это не так важно, любой, раз уж леса все равно стоят; но чтобы с улицы он выглядел красиво. Ведь так приятно вечером, особенно в белые ночи, когда поздно темнеет, подойти к дому цвета морской волны, и открывая дверь, и как бы случайно при этом оглянувшись, увидеть восхищенные взгляды прохожих, и с гордостью почувствовать: вот в каком доме я живу!"

С такими мечтами я отправился дальше, вдоль по каналу, на котором стоял вышеописанный дом, и настроение мое в значительной степени улучшилось, хотя оно и с самого начала не было таким уж плохим — просто немного беспокойным от внезапного и необычного пробуждения, — но постепенно мои мысли о морской волне, точнее, о доме цвета морской волны, соединившись с теми мыслями о психологическом фильме и связанной с ним любви, привели меня к выводу о том, что как было бы прекрасно познакомиться с какой-нибудь красивой и умной девушкой и как-нибудь в период белых ночей прогуляться с ней по улице перед моим домом, который к тому времени, вероятно, уже будет выкрашен цветом морской волны. Потом мало по малу и по мере того, как истощались мои мечты, и фантазии, настроение у меня опять постепенно ухудшилось, вернее, утихло от бесцельного моего хождения по улицам города, и я снова вернулся своими мыслями к Антону Ивановичу, так внезапно разбудившему меня. Я вспомнил его предупреждение относительно лесов, но думая об этом, мог только покачать плечами. Я покачал плечами.

"Вот разве оттого, что Антон Иванович очень обязательный человек? — подумал я. — Да, — подумал я, — он очень обязательный человек. Даже, пожалуй, до некоторого педантизма, что в отдельных случаях бывает и некстати. Ну вот, хоть сегодня: зачем ему понадобилось будить меня? И так это неожиданно, резко..."

От воспоминания о пробуждении мне стало опять тоск-

ливо и скучно, и во рту появился какой-то кислостный привкус. Я закурил. Как все-таки может сказаться на настроении человека даже такая мелочь как пробуждение.

Я вышел к какому-то скверу, окруженному высокими, выше деревьев домами: они выходили сюда своими задними глухими стенами, никак не крашеными, а только имевшими на себе следы прежних, но давно разрушенных пристроев и флигелей. На этом, огороженном со стороны улицы сетчатой оградой, участке, помимо сквера и деревьев, помещалась в самом центре деревянная песочница для детей, и несколько семилетних мальчиков на маленьких двухколесных велосипедах с приглушенным свистом носились туда и сюда по влажным крупнопесчаным дорожкам вокруг решетчатых скамеек, на которых несколько скучных старух глядели на глухие стены своими безжизненными глазами и ничего не делали. По разбухшему барьеру песочницы два девочки /одна в белом пуховом берете/ выкладывали мокрые бурные слепки из гофрированных жестяных формочек, и эти слепки аккуратно чередовались: один слепок с выпуклой бабочкой наверху, другой — со слоником, потом опять с бабочкой и опять со слоником. Я некоторое время постоял здесь от нечего делать, потом мне почему-то стало неприятно смотреть на них и я отошел. Мне все не нравилось в этом сквере: и высокие глухие стены, и кусты, и мальчики с голыми лицами, мелькавшие на маленьких велосипедах, и слепые глаза старух — все было неприветливо и сиротливо, и мое настроение уже было вконец испорчено, когда я на одной из боковых дорожек сквера я увидел девушку, которую сразу узнал. Я однажды уже видел ее, а теперь, конечно же, сразу узнал. Еще в тот раз, когда я увидел ее впервые, меня привлекло ее приятное, хотя отчасти узкое и, может быть, слишком бледное лицо, и потом я еще не раз вспоминал ее, но, в общем-то, не из-за лица, которое я, пожалуй, назвал бы не узким, а скорее, острым, в том смысле, что в нем, в отличие от постоянно встречаемых лиц, было что-то особенное, непонятное, но такое, что очень хочется понять; и оно, то что было в ее лице, было щемным, может быть, болезненным, но это меня не отталкивало — мне казалось или я в тот момент подумал,

что мне казалось, что именно при таком лице как раз и возможно быть откровенным, то есть с тем, у кого такое лицо, — но даже не из-за этого лица я несколько раз вспоминал ее и не так, как вспоминают обычно — не с какими-нибудь удивительными чувствами. Моими чувствами были только сожаление и благодарность, потому что я встретил ее в один из самых мрачных, можно сказать, трагических дней в моей жизни, в такой день, когда казалось, что все разрушено, непоправимо и всему наступил конец. И тогда я увидел сострадание в ее глазах. Пусть оно и не помогло мне, ее сострадание, но ведь оно было, и я не переставал вспоминать о нем. Теперь эта девушка оказалась здесь. Она, как мне показалось, грустно стояла на одной из боковых дорожек сквера — я к ней подошел.

Она подняла голову и некоторое время недоуменно, а может быть, даже и высокомерно смотрела на меня. Потом она неуверенно улыбнулась, и я понял, что она меня узнала.

— Вы узнаете меня? — спросил я у девушки.

Она чуть наклонила голову.

— Ефак, — сказал я.

— Что? — осторожно переспросила девушка.

Я подумал, что так я могу, пожалуй, и напугать ее.

— Кафе, — сказал я, — я видел вас в кафе.

Она кивнула.

— Я помню, — сказала она, — я вас помню.

Некоторое время мы стояли молча, потом я спросил:

— Вы гуляете?

— Гуляю, — ответила она. — Если хотите, можете составить мне компанию.

Такого предложения я никак не ожидал. До меня даже не сразу дошло, что она сказала, а когда дошло, я сначала почти что растерялся. И уже после всего этого я несказанно обрадовался.

— О, я с большим удовольствием! — обрадовался я. — Вы просто не представляете, как я рад, что снова вас встретил.

— Мне тоже приятно видеть вас, — сказала девушка.

Она взяла меня под руку и мы вышли из сквера на

улицу и пошли, и время от времени я оглядывался на нее и видел ее профиль, бледный и почти голубоватый, а глаза у нее были серые и удлинённые к вискам, — словом, мне очень нравилось ее лицо, и красивое, и в то же время не вульгарное, как это иногда еще, к сожалению, бывает. И при этом она вела себя очень естественно и просто: вот ведь, взяла меня под руку... сейчас не каждая девушка возьмет под руку человека, с которым она почти незнакома.

— Я вас совсем не боюсь, — сказала девушка, — вы сразу вызвали у меня чувство доверия. Вы не такой как все.

Я почувствовал еще большую благодарность, чем до этого: я и сам всегда думал, что я не такой как все, а она это сразу поняла.

— Вы тоже не такая как все, — ответил я, — я это увидел еще тогда. Я с тех пор часто вспоминал вас и мне было очень жаль, когда вы исчезли; а теперь вы взяли меня под руку, а в наше время вообще редко кто ходит таким способом — почему-то это не принято — идут каждый сам по себе, а некоторые в обнимку.

Я тут же спохватился, что, возможно, напрасно сказал ей про обнимку, потому что вдруг она примет это за намек, но она поняла меня верно.

— Я никогда не хожу в обнимку, — сказала девушка, — это очень вульгарно — ходить в обнимку. Зачем до такой степени обнажать свои чувства на улице?

Я сказал ей, что я тоже так думаю и совершенно разделяю ее мысли и чувства, но только я не мог так четко их выразить.

Мы некоторое время шли молча, потому что я не знал, о чем говорить, и девушка, кажется, тоже не знала. Потом она повернула ко мне свое хорошее лицо и сказала:

— Я, наверное, оторвала вас от какого-нибудь дела?

— Что вы! — воскликнул я. — Наоборот, мне совершенно нечего было делать сегодня. Я даже хотел сходить в кино, но сегодня в кинотеатрах не идет ничего такого, что мне хотелось бы посмотреть. Но, может быть, вам хочется посмотреть какой-нибудь фильм? В таком случае я с удовольствием посмотрю что-нибудь вместе с вами.

- Нет, - сказала девушка. - Я никогда не хожу в кино, - она покачала головой. - Раньше я часто ходила в кино, я любила кино, а теперь я не хожу.

Мне хотелось узнать, почему она перестала ходить в кино, но тут у станции метро я увидел цыганок, которые торговали там цветами. Я купил у одной из них букет хризантем и преподнес их его девушке, а она в ответ сказала мне, что любит хризантемы больше всех других цветов, и это связано для нее с воспоминаниями, так как ее жених всегда дарил ей именно хризантемы. Она ничего больше не сказала про своего жениха, а я как-то постеснялся спросить, и несколько минут мы шли молча, потому что я не представлял, о чем мне с ней говорить, и не потому, чтобы девушка была мне чужда и далека, и в прошлом я не раз воображал себе, как я разговариваю с какой-нибудь приятной мне девушкой, а про эту девушку я особенно воображал, тем более, что в принципе у меня есть что сказать, то есть есть много такого, что я хотел бы выразить, и я даже уверен, что сумел бы это, - но сейчас для этого был нужен какой-то повод, какой-то толчок с ее стороны, потому что не заговоришь же просто так, ни с того, ни с сего о чем-нибудь важном и душевном, о том, что чувствуешь и переживаешь. Чего, спрашивается, я буду лезть ей в душу, ну хотя бы по поводу ее жениха, потому что, если обстоятельства сложились так, что им пришлось по какой-то причине расстаться, то тут никакие слова не помогут, а наоборот можно затронуть какие-нибудь струны, которые зазвучат и, может быть, некстати. Поэтому я решил воздержаться и не говорить ей ничего, а только смотрел, как она нюхает мокрые хризантемы, хотя они и не пахнут.

За углом, начинавшимся от бетонного парапета направо, я увидел небольшое кафе. Я подумал, что вот кафе, в которое было бы неплохо зайти с целью выпить там по чашечке черного кофе или съесть мороженого, а может быть, девушка не откажется даже от бокала вина, если сумею ей тонко предложить. Да, совсем бы неплохо было выпить вина, особенно шампанского, потому что, по моему мнению, за приятное знакомство удобнее пить шампанское, чем любое другое

вино, да и к мороженому шампанское больше всего подойдет. Я подумал обо всем этом как следует и сказал ей, а она неожиданно согласилась. Я боялся, что она не согласится, а пожалуй, и обидится на такое приглашение с моей стороны— все-таки почти незнакомый мужчина,— но она, против ожидания, не обиделась.

Мы вошли в это небольшое кафе. Там было всего несколько столиков, и голубые шторы в полосочку создавали уют. Я предложил девушке сесть за один из столиков, за тот, который находился в углу, а сам отошел к стойке, чтобы взять для нас мороженое и бутылку шампанского, а когда вернулся, ее за столиком не было: на нем лежал букет хризантем, и через спинку стула был перекинут ее серый плащ. Сама она стояла у большого окна и смотрела на осеннюю улицу, где в это время уже моросил мелкий дождь.

— Ефак,— сказал я подойдя к ней.— Вот теперь вы видите, что я имел в виду?— и я показал ей на белую надпись на стекле, которая с этой стороны читалась "Ефак".

Она повернула ко мне свое хорошее грустное лицо.

— Да,— сказала она,— это кафе многое мне напоминает.

Я напомнил ей, что это было другое кафе, а она подтвердила это печальной улыбкой.

— Я помню,— сказала она,— я хотела сказать, что с этим кафе у меня связаны другие воспоминания. А эту надпись я помню.

— В ней есть что-то турецкое, правда?— сказал я.— Как будто это по-турецки— "Ефак"...

— Вы правы,— задумчиво сказала она.— Знаете, когда я думаю о Турции,— сказала она,— мне всегда становится грустно: там нет любви к людям,— сказала она,— и между мужчиной и женщиной там совсем другие отношения: там женщина раба мужчины.

С этим было трудно не согласиться— и я согласился.

— Может быть, нам пойти за столик?— предложил я.— А то наше мороженое растает, а шампанское выдохнется.

— Да, пойдёмте,— сказала она и прошла впереди меня в своем тонком коричневом свитере, обтягивавшем ее изящную фигуру, и серых брюках, которые тоже сзади облегли.

Мы сели, и она, положив подбородок на подставленную руку, сказала:

- Как хорошо, что буфетчица сама открыла шампанское! С некоторых пор я не выношу резких звуков.

Она говорила усталым голосом, который очень шел к ее грустному лицу и обтянутой свитером фигуре.

Она отпила глоток шампанского и посмотрела мне в глаза каким-то долгим и далеким взглядом, как будто она пытается меня понять или сравнить с кем-то, или еще что-то такое. Как им странно, я не смутился от этого взгляда и мне не захотелось отвести глаза в сторону или вниз, напротив, мне хотелось смотреть в ее широко расставленные глаза, мне хотелось понять ее, и не потому, чтобы я ей не доверял, а потому что она уже была мне близка не только своим хорошими лицом, но и фигурой, и не в каком-нибудь чисто-внешнем или другом смысле, а просто она вся вместе с фигурой вызвала у меня симпатию.

- Почему вы не носите галстук? - спросила она. - Вам бы очень пошел галстук и белая рубашка. Черный костюм вам был бы также очень к лицу: у вас жидя в лице есть что-то джентельменское. Малко, что теперь не носят фрак: вам хорошо было бы носить фрак и цилиндр. Увы, теперь не те времена, - со вздохом сказала она.

- Да, не те, - со вздохом подтвердил я, - совсем не те времена. Малко!

- Вы читали "Графа Монте-Кристо"? - спросила она.

- Да, конечно, читал! - обрадовался я. - Я очень люблю эту книгу. Вот только ее нигде не достать, а то я бы с удовольствием прочел ее снова.

- Я могу дать вам ее, - сказала она, - почитать. В моей библиотеке есть эта книга.

- О, я был бы вам очень благодарен! - воскликнул я. А заодно я подумал, что тогда у меня был бы отличный повод для продолжения знакомства.

- Граф Монте-Кристо, - мечтательно сказала девушка, - всегда ходил в черном фраке. И в цилиндре. А кроме того, у него было матово-бледное лицо. У вас тоже бледное лицо, - сказала девушка. - В бледном лице есть что-то аристо-

кратическое, не правда ли?

От шампанского у меня уже немного шумело в голове. Появились всякие мысли, и я подумал, что может быть, пригласить ее в гости? Взять с собой шампанского и пригласить. Мне очень не хотелось расставаться с ней.

"Да, — думал я, — показать ей свою комнату и вообще, как я живу. У меня можно как следует посидеть и выпить шампанского. А может быть, я ей тоже симпатичен... Да, наверное, симпатичен: вот, она даже нашла во мне что-то аристократическое. Да, наверное, я ей симпатичен... А раз такое случилось, то... мало ли что? А что такого? Если нравлюсь... Хотя она и очень порядочная девушка — по всему видно, — но тем не менее. В конце концов — двадцатый век. В ведь я же не просто так — она мне тоже нравится. Мы оба не такие как все: мы уже чем-то близки. Может быть, мы даже будем друг друга любить. Я буду дарить ей хризантемы, ну, и еще у нас может быть много общего, например, "Граф Монте-Кристо": я мог бы читать ей его вслух /я очень хорошо читаю вслух/ — вообще общие интересы, они всегда объединяют людей."

— Отчего вы молчите? — вдруг спросила она. — Вы, наверное, очень одиноки?

— Я? Да, я очень одинок! — встрепнулся я. — А вы? Вы очень одиноки?

— Да, — сказала она, — я очень одинока.

— Вы живете одна? — спросил я и тут же испугался: я подумал, что она может неверно истолковать мой вопрос.

— Нет, не совсем... — она несколько замаялась. — Хотя, по существу, одна. Вообще, у меня есть папа и мама, и еще сестра, но это ничего не значит, — сказала она, — я все равно безумно одинока. Они меня не понимают. Никто меня не понимает.

— Это ужасно, когда тебя никто не понимает, — сказал я. — Меня тоже никто не понимает.

— Давайте выпьем, — сказала она. — Выпьем за одиноких!

Наши бокалы были пусты, и я разлил оставшееся шампанское.

- За одиноких! - сказала девушка и подняла свой бокал.

Мне очень понравился этот тост.

Девушка выпила шампанское и поставила бокал на стол.

- Как печально одиночество! - сказала она.

Я согласился с ней.

- Всякое одиночество печально, - сказала она, - печально находиться в заточении, но это ничто по сравнению с душевным одиночеством: душевное одиночество страшнее всего. Когда нет души, способной тебя понять, нет созвучного сердца... - она горько свела свои красивые, на мой взгляд, брови.

- Раньше у меня было созвучное сердце, - сказала она, - а теперь нет.

- Было? - сказал я. Я просто не знал, что сказать, но не мог остаться безучастным к ее одиночеству и поэтому спросил. - Было?

- Было, - сказала она. - У меня был жених.

* Она допила свой бокал.

- Как хочется курить! - сказала она.

- Может быть, нам еще взять шампанского? - на всякий случай предложил я.

- Да, - сказала она, - можно. Мой жених тоже любил шампанское. Можно.

Я взял пустую бутылку и поскорее, пока очередь еще не накопилась, поспешил к буфету. Румяная, черноусая буфетчица, как мне показалось, с одобрением посмотрела на меня. Она даже дала два новых бокала.

- Они лучше потеют, когда холодные, - пояснила она.

Я горячо поблагодарил ее за этот знак внимания, а она, положив передо мной сдачу, сказала:

- У вас хорошая девушка: такая скромная... Не обижайте ее.

Мне было приятно это слышать, а мысль о том, что я мог бы чем-нибудь обидеть такую прекрасную девушку, казалась мне смешной. Тем не менее я с признательностью заверил буфетчицу, что никогда и ни в коем случае не обижу, и еще спросил ее, нельзя ли нам тихонечко покурить: я

конечно, знаю, что нельзя, но если тихонечко...

Буфетчица добродушно кивнула.

- Только незаметно,- сказала она,- чтоб никто не видел, и я в том числе,- и еще дала мне блюдечко вместо пельницы.

Мне хотелось как-нибудь поблагодарить ее за любезность, но неудобно было предлагать ей сдачу, поэтому я просто сделал вид, что забыл ее на стойке. Я вернулся за столик и налил шампанского в связанные бокалы.

- Какая здесь приятная буфетчица!- сказал я.- Она даже разрешила нам незаметно покурить.

- Да,- сказала девушка,- среди простого народа иногда встретишь такое понимание, какого порой не встретишь в нашей среде. В наше время среди интеллигенции мало кто способен проникнуть в душу другого человека. Все пусто, тщеславия, эгоистичны, все заняты самокопанием. С тех пор как погиб мой жених...- она заколчала.

- Дайте сигарету,- сказала она.

Я подал ей сигареты и зажег спичку, чтобы она смогла от нее прикурить. Потом я тоже закурил.

- "Шипка",- сказала она, посмотрев на пачку.- Он тоже курил "Шипку",- она глубоко затянулась.

- Я не хочу быть нескромным,- сказал я,- и может быть, какие-нибудь струны... Я не хотел бы затрагивать и, конечно, если это тяжело вспоминать...

- Да, тяжело,- сказала девушка устало,- очень тяжело вспоминать, но я чувствую, что вам можно довериться, вы меня поймете. И потом, знаете,- сказала она,- иногда так хочется рассказать! Чтобы облегчить сердце. Но некому. Некому!- с болью воскликнула она.- Никто не в состоянии меня понять. Вы первый, кому я это рассказываю, а ведь со дня его смерти прошло уже больше года. Целый год я носила траур,- сказала девушка внезапно охрипшим голосом.- Я все время ходила в черном. Он был прекрасный человек и отчаянно-храбрый. Хорошие люди долго не живут на свете.

Я с этим согласился.

Она горько улыбнулась:

- Он был исключительно для меня. Он прекрасно зара-

бывал и уже купил кооперативную квартиру. Великолепно все обставил старинной мебелью. Он был немного старомоден /он происходил из дворянской семьи/ и был идеально честен и порядочен, даже щепетилен. Например, он ничего не хотел до свадьбы, и я сама пошла ему навстречу. Ну, что ж, у меня остались хоть какие-то воспоминания— вы понимаете, что я имею в виду?

Я понимал, хотя мне от ее признания стало немного неловко, и чтобы скрыть эту неловкость, я взял бутылку и я налил еще шампанского.

— Он не хотел идти на это,— продолжала она,— я сама настояла. Он хотел, чтобы все было строго, как в старину. Но какое значение имеет штамп в паспорте, когда дело идет о любви? Ведь браки заключаются на небесах, не так ли?

— Как это вы прекрасно сказали!— воскликнул я.— Я бы ни за что не сумел так сказать.

— Я и ему это говорила,— сказала она.— Я говорила ему, что счастье не зависит ни от записи в актовой книге, ни от кооперативной квартиры, ни от машины марки "лигула"— счастье заключается в любви, а наша любовь была бесконечна. Она была всеобъемлющей и всепоглащающей.

Она закурила новую сигарету.

— Но он хотел, чтобы у меня был комфорт,— продолжала она,— и ради этого, подумать только! ради этого он рисковал. Риск был его профессией— он был каскадер.

— Каскадер?— спросил я.— А что это?

— Дублер. В кино,— пояснила она.

— Это, которые переводят на русский язык?

— Нет,— покачала она головой,— это совсем другое. Это очень опасная и вредная профессия. Вот... вам, вероятно, случалось видеть в кино, как разбивается автомобиль?

— Да, конечно,— сказал я.— Это очень захватывающе, когда автомобиль разбивается: все взрывается, пылает, горит... Я всегда как на иголках сижу, когда они сталкиваются.

— Так,— сказала она.— А когда по шаткой водосточной трубе взбирается на одиннадцатый этаж?

— Этого я не видел,— сказал я.

- Все равно, - сказала она. - Когда в кино снимается какой-нибудь рискованный трюк: скажем, прыжок с двенадцатиметровой стены, проход по крыше небоскреба или нужно вынести гроб из горящего дома, в то время как вокруг рушатся охваченные пламенем, строения; когда разверзается пасть тигра, и герой картины, вооруженный одним лишь кинжалом, бросается на него; когда он вместе с водопадом бесстрашно низвергается в кипящую пучину Изагары посреди острых обломков скал - во всех этих эпизодах вместо артиста снимается каскадер. Его снимают сзади, со спины, а голос и мимику лица снимают с артиста. Потом все это монтируют вместе, и зрители, увидевшие на экране крупным планом приближающуюся к бездне, а потом стремительно летящую вниз фигуру, думают, что это, и в самом деле, низвергается артист, в то время как летит каскадер.

Девушка отпила глоток шампанского и закурила.

- Я и не думал, что это так опасно, - сказал я, - я думал, что вместо человека бросают манекен.

- Нет, - отрицательно улыбнулась девушка. - Это раньше бросали куклу, а теперь... Тогда какдет хлеба и зрелищ, - сказала девушка. - Люди стали востои и требуют подлинности. Ну что я, получайте! и мужественный человек гордо бросает на свою казнь

Она вздохнула.

- Слава достается артисту. Ничего не поделаешь - так бывает всегда: отважный и благородный человек рискует жизнью, а потом приходит другой и пожинает плоды.

Девушка съела ложечку мороженого и продолжала:

- Ирония судьбы заключается в том, что каскадеры всегда гибнут при исполнении сравнительно несложных трюков. В тот день как раз снимался довольно легкий и не слишком опасный трюк. Мой жених дублировал артиста, который играл офицера-десантника. Этот артист, смазливенький мальчик, каких много, был совершенно бездарен. Не буду называть его имени - ведь это ничего не изменит. Итак, моему жениху как всегда предстояло рискнуть за другого. Накануне съемки, вечером, он позвонил мне. Мы посидели с ним в ресторане "Садко", в баре для интуристов. Знаете этот бар?

- Это, где "Европейская" гостиница? - уточнил я. - Да, знаю. Только я там никогда не был. Внутри.

- Естественно, - сказала девушка, - ведь туда пускают только на вальсу. У моего жениха была вальса, - сказала она, - каскадерам часто зарплата выдается в иностранной валюте, - она помолчала, припоминая. - Ну да, - сказала она, - мы посидели. Бить нам не хотелось - так только, фрукты... Мой жених все время пил виски со льдом. Он вообще-то любил шампанское, но в данном случае он пил виски со льдом. И нервно курил одну сигарету за другой. Ему явно было не по себе. Он, конечно, ничем этого не показывал, старался выглядеть веселым, непрерывно шутил, рассказывал смешные анекдоты. Он вообще был очень остроумным человеком и внешне ничем не напоминал каскадера - каскадеры, знаете ли, в большинстве своем грубый народ. Но у него было такое тонкое лицо, прекрасные манеры, он был исключительно элегантен. Его там даже приняли за фарцовщика: он был слишком хорошо одет для простого смертного, - девушка тонко улыбнулась. - Но это недоразумение, конечно, сразу же разъяснилось: милиционер /полковник/ сразу же извинился, откозырял, стояло только моему жениху вынуть удостоверение личности. Мм... видите ли, каскадеров очень мало, и милиция приходится с этим считаться.

Девушка съела еще ложечку мороженого и глубоко задумалась. Я некоторое время молчал, не зная, как бы поделкатней, и чтобы в то же время не лезть девушке в душу, спросить ее о том, что произошло дальше, но она сама скоро вышла из своей задумчивости и спросила меня, на чем она остановилась в своем рассказе.

- Вы говорили об элегантности, - напомнил я, - и о том, как вашего жениха приняли за фарцовщика.

- А-а... да-да, - со слабой улыбкой вспомнила девушка. - Но вы знаете, он вообще был очень интересным человеком, - сказала она. - Например, он в совершенстве владел английским языком. Да-да, его, наверное, из-за этого и приняли за фарцовщика, - сказала она, - да, наверное: я только сейчас это поняла. Ведь он в этот момент говорил

по-английски с каким-то англичанином: тот что-то спросил, а он что-то ответил...

- А почему они не приняли его за иностранца?- удивился я, хотя вообще-то это не относилось к делу.

- Видите ли, в чем дело,- сказала девушка,- за каскадерами все время следят. Понимаете, с них берут подписку.

- А зачем?

- Ну, чтоб они кого-нибудь не убили,- покала она плечами,- они знают разные приемы. Все каскадеры состоят на учете: гипнотизеры и каскадеры.

- А-а... верно, я слышал об этом,- припомнил я,- о гипнотизерах.

- Ну да, а с каскадерами тоже,- кивнула девушка.

Девушка медленно, глядя вдаль, курила.

- Да, с чем это я?- сказала девушка.

- Вы говорили про то, как сидели,- подсказал я.

- Да,- подтвердила девушка. Она отпила глоток шампанского,- да. Мы сидели,- повторила она.- Мы сидели, и он старался казаться веселым, но я видела, что ему не по себе. Теперь я понимаю: он чувствовал близкую смерть.

- Ах, это так!- неутвердив, воскликнул я.- Это так: я тоже все время что-то чувствую.

Она загадочно посмотрела на меня.

- Вы чем-то похожи на него,- сказала она.- У вас даже есть что-то в лице. Но слушайте: я решила рассказать все до конца.

Утром он, как всегда вовремя, был на съемке. День был жаркий. Мой жених, одетый в защитную форму цвета хаки, которая, кстати, шла ему гораздо больше, чем актеру, которого он дублировал, прогуливался вперед-назад по съемочной площадке, ожидая сигнала. Режиссер сказал всем приготовиться, и все заняли свои места. Мой жених в последний раз мысленно выверил свой маршрут- он был готов. Наконец, прозвучала команда, мой жених вежливой автомат и, петляя, помчался к роще. Вокруг него грехотали взрывы, но он, презирая опасность, бежал вперед. Дубль отсняли. Мой жених вытер пот со лба и вернулся на место. Его лицо

было черно от гари. По приказу режиссера специальные техники снова зарядили мины. И опять режиссерскомандовал, и мой жених, сжимая автомат, бросился вперед. С перекошенным лицом он метался по точно рассчитанному маршруту, оставляя взрывы за своей спиной.

Так отсняли шесть дублей. Этого было достаточно, но режиссер попросил моего жениха сняться еще раз. Этот дубль, в сущности, был не нужен— он делался просто так, для страховки, на тот случай, если все остальные пленки засветятся, но это редко бывает. Именно этот дубль оказался для моего жениха роковым. Раздалась команда, и мой жених, уже измотанный предыдущими дублями, рванулся вперед, но бежать так быстро, как в начале съемки, он уже не мог. Напрягая последние силы, он все-таки миновал несколько взрывов и скрылся в роше, а спустя секунду оттуда донесся страшный крик страдания, от которого у всех в жилах застыла кровь.

Когда к нему подбежали, он был еще жив. Почерневшими губами он шептал мое имя.

— Да-да! Это так и было,— взволнованно подтвердил я.— Я видел этот фильм— именно так все и происходило.

— Я не видела этой картины,— сказала девушка,— я не пошла. Это было выше моих сил. И так-то, когда уже сообщили об этом, я поседела,— она провела рукой по волосам.

— Я теперь крашу волосы,— объяснила она, увидев, что я на нее посмотрел. Она подавила вздох.

— И вообще я больше никогда не бываю в кино,— сказала она и вздохнула.

Я не знал, что сказать. Что тут скажешь? Разве чьи-нибудь слова могут утешить в такой горе? Я предложил ей выпить еще вина.

— Нет,— сказала она,— спасибо. И так это третий бокал.

Я долил свое шампанское и помог девушке одеться. Уже стемнело, и на огромном экране еще более выступила надпись "БСАК".

— А можно мне проводить вас домой?— спросил я, когда мы вышли на улицу.

- Конечно, можно,- сказала она,- вам можно,- она взяла меня под руку и зябко прижалась ко мне своим плечом, и мы с ней пошли по одинокой улице, и она опять молчала и только время от времени опускала лицо к букету, который она несла в другой руке. Но мне от ее молчания больше не было неловко- я однажды читал, что молчание бывает также и очень красноречиво,- вот это молчание, видимо, и было красноречиво в том смысле, что не было каким-то намеком или чем-нибудь еще, а просто теперь между нами было какое-то общение, потому что я ее понимал- она сама это сказала,- и мы шли по улице, и я не заводил никакого разговора, и кроме того, я обдумывал нашу встречу и ее печальный рассказ, и вдруг мне стало так стыдно, что я остановился.

- Что с вами? Вы что-нибудь забыли там, в кафе?- спросила девушка, отпустив мою руку и повернувшись ко мне.

- Нет-нет!- поспешно ответил я.- Нет, не забыл. Это так, ерунда, я просто кое о чем вспомнил: так, мелочь. Пойдемте.

Она снова взяла меня под руку и мы пошли дальше. Мне было очень стыдно: я вспомнил, как там, за столиком, я чуть не пригласил ее к себе. Вот она идет рядом, под руку и даже прижимается ко мне плечом, и у нее, наверняка, в мыслях нет, что я мог такое подумать. Она мне доверилась и открыла трагедию своей жизни, а я...

- Вы живете один?- внезапно спросила она.

- Да, один,- обрадовался я предложению прервать свои мысли,- совсем один,- сказал я,- у меня даже занавески нет на окне,- сказал я. Я и сам не знаю, с чего это я вдруг вспомнил про занавеску.

- Мы с вами родственные души,- задумчиво сказала она.- Две одиноких души. Бредем по улицам в немом и безмолвном пространстве.

- Я хотела бы увидеть вашу комнату,- сказала она,- ваши книги; вообще увидеть вас в привычной обстановке; мне кажется, что у нас с вами много общего.

Мне опять стало стыдно: я подумал, что если бы она узнала с тех моих мыслей в кафе, она бы никогда так не сказала.

Но сейчас мне никогда было на эту тему размышлять. Я постарался, как мог естественнее, ответить ей, что я обязательно приглашу ее к себе и что к ее приходу я куплю букет хризантем и поставлю их посреди комнаты на стол, и мы выпьем шампанского у меня; и, конечно, теперь, говоря все это, я и думать не смел о чем-нибудь таком, как тогда: уж особенно теперь, после того, как она высказала такое доверие, вплоть до комнаты.

- Нет, конечно, я не буду возражать,- сказала она.- Я принесу вам книгу. "Графа монте-Кристо",- сказала она.- Вы помните?

Мы остановились возле ее дома.

- До свиданья,- грустно сказала она, подавая мне руку.- О, как мне не хочется домой! Ну, всего вам лучшего. До свиданья.

Я наклонился и поцеловал ее узкую кисть, а когда выпрямился, она положила обе руки мне на плечи, и приподнявшись на цыпочки, легонько коснулась губами моей щеки.

- Вы очень добрый,- сказала она,- вы так меня понимаете! Вы даже напоминаете мне его.

Мне опять стало стыдно, но с другой стороны, и понятно, что я ее напоминаю.

- Мы обязательно должны увидеться,- сказала она.- После того, как погиб мой жених, мне впервые так хорошо.

Я возвращался домой. Мне было и грустно, и в то же время почти радостно. Я был весь под впечатлением этого вечера. И я думал о том, как несчастны бывают люди и как мужественны при этом: пережить такое горе и так стойко держаться в несчастье. Она даже поседела, но никому не сказала о своей трагедии, все перенесла в себе и только мне она доверила свою тайну. Потому что я ее понимаю. И правда, наверное, я один в целом мире способен ее понять.

"И все-таки на земле есть справедливость,- подумал я,- и вот она торжествует: после всего, что ей пришлось вынести и пережить, мы все-таки встретились, две одиночки

души. Я, конечно, не каскадер, — подумал я, — но это ничего. А потом, может быть, в моей душе тоже скрыты немечислимые запасы ловкости и выносливости. Но даже если это не так, если я и в душе не являюсь каскадером... Ну и пусть. Пусть не каскадер. Зато я ее понимаю, и ей со мной хорошо — она сама это сказала. И как это удачно, что я не пригласил ее к себе. Мог бы испортить все впечатление: она могла бы такое подумать... Решила бы, что я ничего не понимаю, а только и думаю о том, как бы ее пригласить. Нет, этого нельзя было делать. А теперь можно будет и пригласить. Вот теперь и дом отремонтируют — уже поставили леса — выкрасят его, может быть, даже цветом морской волны, или еще каким-нибудь цветом, но это даже не так важно. И в комнате к этому времени надо будет прибрать: купить хризантем и на лампочку повесить хвосту или пледом. Занавески нужно будет: для уюта. Можно в пелюшечку, как в этом кафе. И тогда пригласить. Сесть за приборный, накрытый белой скатертью стол, открыть бутылку шампанского, наклониться и тихо обо всем поговорить.

Да, поговорить обо всем, — подумал я, — вот она рассказывала мне о себе, а теперь я расскажу ей о себе. Мне, правда, нечего рассказывать — со мной ничего особенного не происходило, — но я все равно ей что-нибудь расскажу. Ну, расскажу, например, о том, как я о ней вспоминал и как я ушел тогда, и о том, как я хотел прижать кулаки к глазам и почему я этого не сделал. Конечно, обо всем этом я очень и даже очень смог бы ей рассказать. И я расскажу ей это, обязательно расскажу и, может быть, это так же важно как каскадер, потому что, может быть, тоже чье-то только лицо, а меня как бы со спиной. Безусловно, она поймет меня — она способна. И будет яркий свет над столом, будут над белой скатертью хризантемы, и зеленоватой шампанское будет пениться в бокалах, как морская волна. И от этой обстановки, от занавесок на окне и особенно от ее присутствия появится чувство покоя и уверенности в себе."

Я пришел. В квартире было тихо: видимо, все уже спали

Покачиваясь в темноте и приглушая собственный шорох в ушах, я на цыпочках пробрался в свою комнату. Я нашарил на стенке выключатель и в черном блестящем окне высоко отразилась электрическая лампочка. В тихой задумчивости я подошел к окну— и вдруг резко отпрянул, почти отпрыгнул назад. Из блестящей черноты, из глубины, на меня пронизательно смотрело желтоватое лицо Антона Ивановича.

— Антон Иванович! .. Вы что?— хотел спросить я, но не спросил, а только всхлипнул или свистнул горлом.

Какой там стол, занавески, шампанское, девушка в серых брюках! .. Все это стерлось, пропало как в кино, провалилось. Волосы проросли у меня на голове. Рядом с Антоном Ивановичем, я увидел непреклонное лицо Ивана Ивановича, и на нем тоже была черная морская фуражка.
